Жамият ва инновациялар –
Общество и инновации –
Society and innovations
Journal home page:
https://inscience.uz/index.php/socinov/index

Criminological security as an element of national security system and state criminal policy

Yury AFANASENKA[1], Vitali KIRVEL[2]

State Institution of Education "Saints Methodius and Cyrill Theology Institute" of Byelorussian State University
Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus

ARTICLE INFO

Article history:
Received June 2022
Received in revised form
25 June 2022
Accepted 25 July 2022
Available online
20 August 2022

Keywords:
security,
security theory,
national security,
criminology,
criminological security,
criminological policy,
criminal policy,
anti-criminal policy,
crime control,
crime prevention.

ABSTRACT

The general theory of security and the problems causing its creation and ensuring constitute the fundamental basis for the state regulation of internal and external systemic social relations aimed at stable and progressive development of society. One of the elements implemented within the framework of security policy is the provision of national security and law and order. The interdependent and interrelated policy of national security and criminal security correlates with the implementation of criminological security, the main aspects of theoretical and legal analysis of the provision of which this article is devoted to.

2181-1415/© 2022 in Science LLC.
DOI: https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol3-iss4-pp46-61
This is an open access article under the Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) license (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru)

Kriminologik xavfsizlik milliy xavfsizlik tizimi va davlat jinoyat siyosatining elementi sifatida

Kalit so'zlar:
xavfsizlik,
xavfsizlik nazariyasi,
milliy xavfsizlik,
kriminologiya,
kriminologik xavfsizlik,
kriminologik siyosat,

ANNOTATSIYA

Xavfsizlikning umumiy nazariyasi hamda uning yaratilishi va ta'minlanishiga sabab bo'lgan muammolar jamiyatning barqaror va izchil rivojlanishiga yo'naltirilgan ichki va tashqi tizimli ijtimoiy munosabatlarni davlat tomonidan tartibga solishning fundamental asosini tashkil etadi. Xavfsizlik siyosati doirasida amalga oshirilayotgan elementlardan biri milliy xavfsizlik va

[1] Ph.D. (Historical Sciences), State Institution of Education "Saints Methodius and Cyrill Theology Institute" of Byelorussian State University, Minsk, Republic of Belarus. E-mail: a.yurij@mail.ru.
[2] Ph.D. (Juridical Sciences), Associate Professor, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus. E-mail: kirvit@tut.by.

jinoiy siyosat,
jinoyatga qarshi siyosat,
jinoyatchilikka qarshi kurash,
huquqbuzarliklarning oldini olish.

huquq-tartibotni ta’minlashdir. Milliy xavfsizlik va jinoiy xavfsizlikning o‘zaro bog‘liq siyosati kriminologik xavfsizlikni amalga oshirish bilan bog‘liq bo‘lib, ushbu maqolaning ta’minlanishini nazariy va huquqiy tahlil qilishning asosiy jihatlari hisoblanadi.

Криминологическая безопасность как элемент системы национальной безопасности и уголовной политики государства

Ключевые слова:
безопасность,
теория безопасности,
национальная безопасность,
криминология,
криминологическая безопасность,
криминологическая политика,
уголовная политика,
антикриминальная политика,
противодействие преступности,
профилактика правонарушений.

АННОТАЦИЯ

Общая теория безопасности и проблемы, обуславливающие ее обеспечение, составляют фундаментальную основу государственного регулирования внутренних и внешних системных общественных отношений, направленных на устойчивое и прогрессивное развитие социума. Одним из элементов, реализуемых в рамках политики безопасности, является обеспечение национальной безопасности и правопорядка. Взаимозависимая и взаимосвязанная политика обеспечения национальной и уголовной безопасности коррелирует с реализацией криминологической безопасности, основным аспектам теоретического и правового анализа обеспечения которой посвящена данная статья.

Целью исследования является выявление и теоретическое обоснование криминологической составляющей в обеспечении национальной безопасности и реализации уголовной политики государства. *Методологической основой* исследования послужили общенаучные методы: структурный, функциональный, системный, а также частноправовые методы: толкования правовых норм, формально-юридический и сравнительно-правовой. *Основные результаты*. Безопасность – это многомерное понятие, которое используется разными способами. Например, его можно использовать для описания объективного состояния защиты от угроз или опасности, субъективного ощущения безопасности, или средства достижения любого из них. Состояние безопасности может относиться к защите от физических угроз жизни и здоровью, но также и к угрозам эмоционального, психологического и финансового благополучия. Некоторые авторы предостерегают от того, чтобы рассматривать безопасность как достижимое состояние или вообще, как «предмет», утверждая, что это просто «зонтичный термин», обозначающий ряд различных динамических «процессов управления» – в контексте данного исследования подразумевается политика национальной безопасности. В силу массивности и вариабельности криминологических исследований, полноценное внедрение их результатов в уголовную практику оценивается нами как весьма затруднительное и представляется не рациональным. Отсюда роль криминологии в противодействии преступлениям и профилактике правонарушений может состоять в информационно-аналитическом, критическом и корректирующем значении. В виду вышеизложенного,

теоретизация проблемы криминологического законодательства и кодификация норм криминологического права не смогут в полной мере отвечать целям и задачам превенции в полном объеме, оставаясь в поле секторальной и ситуационной профилактики. Таким образом, криминологическое обеспечение безопасности государства является одной из фундаментальных прикладных задач практической реализации и планирования политики предотвращения преступлений, правонарушений и иных видов криминогенного и криминального поведения. По нашему мнению, место и роль как прикладной, так и теоретической криминологии в системе уголовной и криминологической политики, пока находится на этапе теоретизации как в среде отечественных, так и зарубежных исследований. Хотя прогностическая функция криминологии, безусловно, является одной из важнейших при планировании противодействия преступности и профилактики правонарушений. Проведенный теоретический анализ криминологической составляющей в обеспечении национальной безопасности и реализации уголовной политики государства позволил сделать следующие *выводы*: 1) политика национальной безопасности и уголовная политика государства по своей сути являются антикриминальными или криминологическими. Следует отметить, что большинство исследователей рассматривают уголовную политику как направление государственной деятельности, определяющее стратегию и тактику борьбы с преступностью на базе уголовного, процессуального исполнительного права, которая является частью антикриминальной политики (=криминологической политики) государства и тем самым детерминирует собой антикриминальную (=криминологическую) и национальную безопасность государства; 2) выявлено, что исследования в области теории криминологической безопасности актуализируют важность общетеоретических исследований в криминологии; 3) подчеркивается перспективность дальнейшего изучения практического и прикладного характера криминологической политики и безопасности как аспекта более широкой антидевиантной политики государства, ввиду того, что объект изучения криминологии ограничен и, в основном, направлен на концептуализацию и теоретизацию преступления как такового; 4) представлено авторское определение *«антикриминальная безопасность»*.

SUMMARY

The aim of the study is to identify and theoretically justify the criminological component in ensuring national security and implementation of criminal policy of the state. The methodological basis of the research is the general scientific methods: structural, functional, systemic, as well as private legal methods: interpretation of legal norms, formal-legal and comparative-legal. Main results. Security is a multidimensional concept that is used in many ways. For example, it can be used to describe an objective state of protection from threats or danger, a subjective sense of security, or a means of achieving either. A state of security can refer to protection from physical threats to life and health, but also to threats to emotional, psychological and financial well-being. Some authors caution against viewing security as an achievable state or, more generally, as an 'object', arguing that it is simply an 'umbrella term' denoting a number of different dynamic 'governance processes' – in the context of this study, national security policy is meant. Because of the mass and variability of criminological research, we consider the full

implementation of its results in criminal practice to be very difficult and not rational. Thus, the role of criminology in counteracting crime and preventing crime can be informative-analytical, critical and corrective. In view of the above, the theorization of the problem of criminological legislation and codification of norms of criminological law cannot fully meet the goals and tasks of prevention, remaining in the field of sectoral and situational prevention. Thus, criminological maintenance of state security is one of fundamental applied tasks of practical realization and planning of a policy of prevention of crimes, offences and other types of criminogenic and criminal behaviour. In our opinion, the place and role of both applied and theoretical criminology in the system of criminal and criminological policy, is still at the stage of theorizing both among domestic and foreign researchers. Although the predictive function of criminology is certainly one of the most important in planning the counteraction to crime and the prevention of offences. The theoretical analysis of criminological component in ensuring national security and implementation of criminal policy of the state allowed us to draw the following conclusions: 1) national security policy and criminal policy of the state are anti-criminological or criminological in nature. We should mention that most researchers consider criminal policy as a direction of state activity that determines the strategy and tactics to combat crime on the basis of criminal, procedural executive law. It is part of the anti-crime policy (=criminological policy) of the state and thus determines the anti-criminal (=criminological) and national security of the state is part of the anti-criminal policy (=criminological policy) of the state and thus determines the anti-criminal (=criminological) and national security of the state; 2) we have identified that research on criminological security theory brings up to date the importance of general theoretical research in criminology; 3) we underline the prospect of further research into the practical and applied nature of criminological policy and security as an aspect of the broader anti-deviant state policy, in view of the fact that the object of study in criminology is limited and mainly focused on the conceptualization and theorization of crime as such; 4) we present the author's definition of "anti-crime security".

ВВЕДЕНИЕ (INTRODUCTION)

Актуальность проблемы создания эффективного правового механизма противодействия преступности и профилактики правонарушений обусловлена растущей общественной потребностью в надлежащем обеспечении прав и свобод граждан, интересов юридических лиц и государства, укреплении правопорядка, повышении доверия граждан к органам власти и управления. Одним из приоритетных решений данной проблемы является разработка и совершенствование теоретико-правовых положений противодействия преступности и профилактики правонарушений, а также адаптация теоретико-правового зарубежного опыта при реализации Концепции национальной безопасности и уголовной политики государства.

Республика Беларусь ведет систематическое и целенаправленное противодействие преступности. Так, уровень преступности на 100.000 человек населения в 2017 г. составил 86.3, в 2018 г. – 83.8, в 2019 г. – 88,4, в 2020 г. – 95.5, в 2021 г. – 87.7. Количество зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений в 2018 г. составило 1.186, в 2019 г. – 1.143, в 2020 г. – 1.131, в 2021 г. – 1.100 [3. С. 24].

Краткий обзор научной литературы по теме исследования указывает на факт, что проблеме криминологической безопасности как элементу национальной безопасности и уголовной политики государства за последнее десятилетие посвящены немногочисленные работы российских ученых: О.А. Колоткиной, И.А. Минникес, И.Д. Ягофаровой [13], А.А. Лапина [16], В.А. Плешакова [20], А.И. Савельева [22] и др.

Работы белорусских авторов по теме исследования отсутствуют, что ставит перед отечественными исследователями задачу изучения теоретико-правового опыта обеспечения криминологической безопасности как элемента системы национальной безопасности и уголовной политики в Союзном государстве и адаптации его при реализации национальной безопасности и уголовной политики государства.

Вышеизложенное обуславливает актуальность, научную новизну и практическую значимость проведенного исследования.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ (MATERIALS AND METHODS)

Теория безопасности – система основных идей, дающих целостное представление о закономерностях, принципах, тенденциях и условиях решения проблем безопасности жизнедеятельности [2. С. 140]. Отсюда под *теорией национальной безопасности* следует понимать – междисциплинарное направление фундаментальной науки, которое изучает состояние защищенности национальных интересов человека (личности), общества и государства от различных опасностей и угроз [8. С. 5], либо *теория национальной безопасности* – это система знаний и одновременно область научного познания, ориентированного на исследование и осмысление феномена национальной безопасности [10. С. 11; 11. С. 16].

Британский исследователь Т. Джонс (Trevor Jones) подчеркивает, что понятие безопасность является полисемантичным и полипарадигмальным [27. С. 744]. Представления о безопасности занимали центральное место в трудах таких теоретиков общественного договора как: Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и др., которые считали защиту от внутренних и внешних угроз основной обязанностью государства [27. С. 744]. Следуя этой традиции, теоретики либерализма: Ш. Монтескье, Вольтер (Ф.-М. Аруэ), Д. Юм, И. Кант, А. Смит, Дж. Мэдисон, В. фон Гумбольдт, Дж. Милль и др. придерживались минималистского взгляда на роль государства, ограниченного обеспечением «негативной свободы» – защиты жизни и собственности, тем самым, создавая базовые условия для развития свободного рынка [27. С. 744]. Возникновение в XX в. концепции государства всеобщего благосостояния или социального государства (Л. фон Штейн, У. Темпл, Т. Маршалл, Т. Парсонс и др.) принесло с собой идеи «позитивной свободы» или «свободы для себя». Безопасность оставалась важной частью этой концепции свободы, но понималась в более широком смысле как «социальное обеспечение», то есть коллективное страхование от угроз бедности, плохого здоровья, плохого образования, плохих жилищных условий и безработицы [27. С. 744].

Т. Джонс считает, что во второй половине XX в. в период холодной войны особое внимание было уделено вопросам «национальной безопасности» с упором на угрозы суверенным национальным государствам, создаваемые внешними вооруженными силами или шпионажем. В 1990-х гг. наблюдался рост интереса к идее «безопасности человека», которая уделяла в качестве основного внимания «безопасности народов», а не безопасности национальных государств [27. С. 744].

Таким образом, понятие безопасности человека представляет собой широкий спектр угроз, с которыми необходимо бороться, включая экономические, экологические, жилищные проблемы и проблемы со здоровьем.

Наиболее общее определение безопасности, во многом аналогично понятию национальная безопасность, которое зафиксировано в ст. 4 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, где «*национальная безопасность* – состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз» [18]. Подобного рода вариабельные формулировки транслируются в других исследованиях: А.И. Овчинникова, А.Ю. Мамычева, А.Г. Кравченко [19. С. 10–11], В.Ф. Пилипенко [2. С. 17], В.И. Ярочкина и Я.В. Бузановой [25. С. 11–17] и др.

Т. Джонс (Trevor Jones) считает, что аморфная природа безопасности человека ограничивает ее полезность в качестве инструмента исследования или анализа проводимой в государстве политики. Исследователь подчеркивает, что понимание безопасности в широком смысле было важной частью возникновения и концептуализации «управления безопасностью». Автор отмечает, что в более поздних публикациях ученые стали предупреждать о негативных последствиях, возникающих из-за тенденции современных обществ переконфигурировать ряд социальных и экономических проблем в качестве вопросов управления безопасностью. По его мнению, теоретики «секьюритизации» утверждали, что этот процесс приводит к тому, что другие области общественной жизни «управляются через безопасность», что может привести к возникновению ряда проблем, таких как угрозы гражданским свободам и общее искажение государственной политики, практики и распределения ресурсов в сторону создания «полицейского государства» [27. С. 745].

Таким образом, можно выделить некоторые общие концептуальные черты между различными дискурсами безопасности.

Первая касается ее ориентации на будущее. Несмотря на наличие противоположных и взаимодополняющих версий природы основных «угроз», все концепции обеспечения безопасности включают преднамеренные действия, цель которых – предоставить гарантии безопасности субъектам как в настоящем, так и в будущем. Эта превентивная, упреждающая логика резко контрастирует с ретроспективным взглядом на наказание, который стремится обосновать идею возмездия за уже содеянное. Ориентация на будущее перекликается и коррелирует с более широкими теориями «риска», предполагающими, что современная социальная жизнь все больше строится вокруг попыток предсказать и предотвратить (или, по крайней мере, уменьшить) будущий вред. Эти социальные теории риска оказали большое влияние на криминологическое мышление [1; 24; 27, С. 745]. Например, появление актуарной, управленческой «Новой пенологии», в которой дискурсы, цели и методы, основанные на оценке риска, бросают вызов традиционным подходам уголовного правосудия и опровергают их [12; 23; 27. С. 7450]. Ориентация на риск подкрепляется «экономическими» теориями преступности, которые рассматривают правонарушителей как лиц, стремящихся максимизировать полезность, которые рационально реагируют на возникающие социальные вызовы [17; 27. С. 745].

Вторая общая черта дискурса безопасности – это чувство срочности, которое выражается в этом термине. Язык безопасности часто используется выразительно, чтобы предположить, что требуются исключительные меры вмешательства, которые могут иметь приоритет над другими ценными социальными благами, такими как конфиденциальность или справедливость [15; 27. С. 745].

Третья особенность касается экспансионистских тенденций концепции безопасности. Мы видим растущие связи между безопасностью, связанной с внутренними и внешними угрозами национальному государству, между глобальными событиями и национальной безопасностью, между национальной безопасностью и «обычной» преступностью на локальном уровне (например, в сфере борьбы с терроризмом), между узкими и более широкими определениями безопасности, а также между государственным, общественным и частным секторами безопасности [27. С. 745].

Немецкий исследователь М. Вальтер (Michael Walter) считает, что одновременно существует противоречие между акцентом на потребности в безопасности, с одной стороны, и требованием, особенно сформулированным экономистами, с другой, о том, что человек должен быть мобильным, инновативным и готовым к риску. Конкуренция, которую пропагандируют и поощряют практически во всех сферах жизни, порождает неопределенность на экзистенциальном уровне. Между тем социальный идеал превратился в ненадежную работу, за которую нужно бояться и бороться почти каждый месяц. Ввиду этого, желание внутренней безопасности имеет преимущественно компенсирующую и успокаивающую функцию [26. С. 222].

Внутренняя безопасность, о которой идет речь, всегда должна быть заключена в кавычки. Потому что центральная задача криминологической науки – критически взглянуть на концепцию, подразумеваемую под этим термином, а не принимать ее как свою обязательную спецификацию. Концепция внутренней безопасности – это конструкция легитимации. Чтобы понять значение того, что подразумевается под внутренней безопасностью, в конечном итоге необходимо проанализировать весь мир и общество [26. С. 222].

По мнению немецкого исследователя К. Найдхардта (Klaus Neidhardt), ряд связей между внутренней безопасностью и криминологией может быть легко выявлен, независимо от того, понимается ли внутренняя безопасность как политическое поле, как «конструкт легитимации», как концепция или состояние, как (государственная) цель, которую необходимо реализовать, как программа или как система взаимодействующих факторов. Криминология занимается темами и вопросами, которые имеют большое значение для внутренней безопасности, независимо от типа концептуализации преступления и теоретического подхода. Однако это мало что говорит о реальном эффекте криминологии, особенно о ее практической значимости [26. С. 8]. С другой стороны, автор отмечает, что развитие самой криминологии зависит от политической и социальной среды. В зависимости от меняющихся парадигм и широко распространенных представлений о внутренней безопасности – о действующих факторах и соответствующей реакции на преступление, о девиантном поведении, уголовных преступлениях, преступниках и жертвах – криминология пользуется преимуществами в определенных проявлениях или страдает от ограничений и потери смысла в других [26. С. 8].

Российский ученый Ю.Ю. Комлев подчеркивает, что криминология является базовой наукой для дисциплин криминального цикла, поскольку призвана объяснить социальную – в широком смысле интегральную – природу преступности, обусловленность преступлений социальными и иными факторами,

охарактеризовать субъектов индивидуального преступного поведения и вскрыть его механизм, определить пути и методы социального контроля над преступностью на том или ином этапе общественного развития [14. С. 69]. В целом следует говорить о криминологии как о социологии преступности, что криминология выступает как наиболее развитая часть девиантологии – более общей науки о социальных отклонениях [14. С. 68–69].

Необходимо согласиться с Ю.Ю. Комлевым в том, что девиантологический ракурс исследования – не бесспорный, но его несомненное достоинство в том, что он позволяет увидеть естественные, искусственно нерасчлененные связи преступности с другими проявлениями разрушительной для личности и общества негативной девиантности, таких как: алкоголизм, наркотизм и мн. др. Девиантологический подход к изучению преступности позволяет анализировать не только взаимосвязи преступного поведения и других проявлений девиантности, но и наиболее общие причины, генезис и закономерности всех этих явлений не только в правовом, но и более широком социокультурном контексте. Можно более продуктивно осмыслить процессы конструирования и деконструирования норм уголовного права и преступности, криминализации и декриминализации в нормотворчестве, отправления правосудия. Девиантологический подход имеет немалый эвристический потенциал для разработки и реализации мер превенции и репрессивного противодействия в системе институтов формального социального контроля и исправления [14. С. 70]. Девиантологический взгляд на проблему преступности меняет представление о предмете традиционной позитивистской криминологии [14. С. 73].

По мнению К. Найдхардта (Klaus Neidhardt) необходимо подчеркнуть, что в настоящее время криминология переживает кризис, измеряемый удалением или отсутствием влияния на уголовную политику [26. С. 8]. Сложившаяся ситуация состоит в том, что криминология является слишком громоздкой для практики, в которую она вполне могла бы быть вовлечена. С другой стороны, очевидна сильная амбивалентность: во-первых, криминология должна быть как можно более независимой от средств массовой информации, политических, экономических и общественных интересов, чем подчеркивается ее критическая роль; во-вторых, декларируется, что задача криминологии, собственно, не состоит в том, чтобы предотвращать или бороться с преступностью. Тем не менее, уголовная политика, конечно же, должна продолжать быть клиентом и потенциальным бенефициаром криминологии в будущем [26. С. 8].

К. Найдхардт (Klaus Neidhardt) считает, что криминология может взять на себя социальную ответственность, например, в отношении предупреждения преступности. Прикладная криминология может достичь немедленной практической значимости и признания на всех процессуальных стадиях уголовного правосудия, на которых должны приниматься решения относительно прогноза и планирования борьбы и противодействия преступности [26. С. 9–10]. М. Вальтер (Michael Walter) отстаивает мнение о том, что необходимо придерживаться ориентации на криминологию как на отдельную дисциплину. Как «наука через дефис» (криминальная социология, криминальная психология и др.) криминология не имеет отдельных методов. В свою очередь понятие преступления – достаточно четко очерченный предмет исследования, юридическая и социальная конструкция [26. С. 222–223]. Ввиду всего

этого как реализованная, так и планируемая политика предотвращения преступлений и правонарушений обе представляют собой важные области исследований в сфере криминологии [26. С. 225].

Российский исследователь А.И. Савельев отмечает, что в криминологии важное место отведено исследованию проблемы безопасности и введению в научный оборот термина «криминологическая безопасность», который был обоснован известными российскими учеными В.А. Плешаковым, М.П. Клейменовым, М.М. Бабаевым, С.Я. Лебедевым и др. [22. С. 49] М.М. Бабаев являясь одним из основоположников введения в научный оборот рассматриваемого понятия, определил его как «объективное состояние защищенности жизненно важных и иных существенных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и угроз таких посягательств, а также осознание людьми такой своей защищенности» [цит. по 22. С. 50]. Вместе с тем М.П. Клейменов и А.В. Артемов криминологическую безопасность определяют, как «состояние защищенности законных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, источниками которых выступают явления, в той или иной степени связанные с преступностью, общественно опасными посягательствами, криминальной деятельностью, интересами криминалитета» [цит. по 22. С. 50].

Не менее интересными представляются иные точки зрения относительно понятия криминологической безопасности. Российский ученый Г.А. Аванесов основой данного понятия считает «комплекс (совокупность) мер по недопущению (предупреждению) преступных посягательств» [цит. по 22. С. 50]. Автор под криминологической безопасностью предлагает понимать «совокупность политических, идеологических, экономических, социально-психологических, правовых и иных мер, разрабатываемых и осуществляемых компетентными государственными и общественными структурами, а также гражданами, по недопущению (предупреждению) преступных посягательств на права личности, общества, государства» [цит. по 22. С. 50]. По мнению российских исследователей А.А. Лапина и А.И. Савельева, очевидно, что понятие криминологической безопасности должно найти отражение в нормативных правовых актах, регламентирующих обеспечение государственного и общественного контроля над преступностью, процессами и явлениями, ее детерминирующими [16. С. 30; 22. С. 50].

В частности, российский ученый В.А. Плешаков акцентирует внимание на том, что теория криминологической безопасности тесно связана с криминологией, так как она «во всей полноте научного и прикладного аспекта изучает угрозы криминологической безопасности, их источники и проблемы их предупреждения» [20, с. 77]. Автор выделяет отдельный блок вопросов в теории криминологической безопасности – криминологическая защита объектов преступного посягательства [20, с. 78]. В системе правовых мер обеспечения криминологической защиты В.А. Плешаков выделяет: «1) приведение действующего законодательства в соответствие с Конституцией Российской Федерации и международными правовыми актами в части обеспечения защиты прав, интересов и свобод человека от криминальных покушений; 2) совершенствование правоохранительного законодательства в направлении повышения заинтересованности в деятельности их структурных подразделений по защите объектов преступного посягательства,

предотвращению или минимизации последствий преступных посягательств, восполнению или компенсации нанесенного преступной деятельностью ущерба; 3) повышение порога защищенности личности от преступлений, в том числе создание правовой базы защиты потерпевших, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства, повышение уровня правовой и социальной защищенности работников правоохранительных органов; 4) создание правового, организационного и материального механизма обеспечения компенсации населению понесенного ущерба от преступных посягательств; 5) совершенствование правовой базы, обеспечивающей сохранность культурных и природных ценностей России» [20. С. 78]. Ученый приходит к выводу, что «криминологическая безопасность не только представляет собой деятельность по обеспечению безопасности от преступных посягательств, но и может рассматриваться как частная теория криминологии, имеющая свой специфический предмет» [20. С. 79].

Российский ученый В.П. Ревин дает следующее определение: «Криминологическая безопасность – это объективное состояние защищенности жизненно важных и иных существенных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и угроз таких посягательств, порождаемых различного рода криминогенными факторами, явлениями и процессами, а также осознание людьми такой своей защищенности» [21. С. 219]. Также он подчеркивает, что «терминологический ряд – «борьба с преступностью», «предупреждение преступлений», «виктимологическая профилактика», «формирование стратегии и тактики предупреждения преступности», – все они обозначают не цели усилий общественных и государственных институтов, а средства достижения цели, обеспечение криминологической безопасности» [21. С. 220].

Обобщая вышеприведенные точки зрения, А.И. Савельев предлагает под криминологической безопасностью понимать «состояние защищенности личности, общества и государства от различного рода угроз, источниками которых является сама преступность либо явления, создающие реальную или потенциальную опасность преступного посягательства во всех сферах жизнедеятельности» [22. С. 50].

Авторы статьи, посвященной криминологической безопасности личности подчеркивают, что «юридическое содержание криминологической безопасности проявляется в возможности признания и нормативного закрепления на законодательном уровне одного из фундаментальных прав человека – права личности на криминологическую безопасность. В то же время понятия «криминологическая безопасность» и «право личности на криминологическую безопасность» являются тесно взаимосвязанными, но не совпадающими по своему содержанию» [13 С. 501–502]. В этой связи, под криминологической безопасностью личности авторы понимают «объективное состояние защищенности жизненно важных интересов личности от преступных посягательств и иных криминогенных факторов, способных оказать негативное воздействие на обеспечение реализации ее конституционных прав и свобод» [13. С. 501].

Резюмируя теоретические выкладки исследователей, приведем мнение российского ученого С.М. Иншакова, который под криминологической безопасностью понимает «состояние криминальной сферы, способность общества и государства бороться с преступностью, предупреждать преступления, которое

позволяет обеспечивать национальную безопасность» [11. С. 324]. Автор также приводит термин и лаконичное определение, аналогичные криминологической безопасности: *«Контркриминальная безопасность – это состояние защищенности государства, общества и личности от криминальных посягательств»* [11. С. 324].

Ввиду вышеизложенного, необходимо проанализировать основополагающий документ по указанной проблеме – Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [18]. Политика национальной безопасности Республики Беларусь изложена в виде Концепции, что отвечает международно-правовым стандартам, и представляет собой «совокупность официальных взглядов на сущность и содержание деятельности Республики Беларусь по обеспечению баланса интересов личности, общества, государства и их защите от внутренних и внешних угроз» [7; 18]. Согласно документу под национальными интересами понимается «совокупность потребностей государства по реализации сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права, свободы, высокое качество жизни граждан, независимость, территориальную целостность, суверенитет и устойчивое развитие Республики Беларусь» (ст. 4) [18].

Среди национальных интересов в политической сфере обозначено «эффективное противодействие коррупции» (ст. 9); «о*беспечение общественной безопасности* и безопасности жизнедеятельности населения, *снижение уровня преступности и криминализации общества*» (выделено авт.) (ст. 12), которые являются приоритетными для социальной сферы.

Несмотря на то, что «Белорусская общественно-политическая модель основана на принципах демократии и верховенстве норм права. Для республики характерны политическая и социальная стабильность, курс на постоянный рост качества и уровня жизни населения. Значительные преобразования проводятся во внутриполитической жизни. Надежно обеспечивается государственная и общественная безопасность, ведется последовательная борьба с различными криминальными проявлениями» (ст. 19), «Республика Беларусь реализует модель социально ориентированной рыночной экономики, которая доказала свою жизнеспособность» (ст. 20), тем не менее одной из основных потенциальных либо реально существующих угроз национальной безопасности является «1) рост преступных и иных противоправных посягательств против личности и собственности, коррупционные проявления; 2) подготовка или осуществление террористических актов на территории либо в воздушном пространстве Республики Беларусь, использование ее территории либо воздушного пространства террористическими организациями и группами против иных государств;
3) проявления социально-политического, религиозного, этнического экстремизма и расовой вражды на территории Республики Беларусь; 4) возникновение в Республики Беларусь беспорядков, сопровождающихся насилием либо угрозой насилия со стороны группы лиц и организаций, в результате которых возникает опасность жизни и здоровью людей, независимости, территориальной целостности, суверенитету и существованию государства» (ст. 27) [18].

К внутренним источникам угроз национальной безопасности отнесено «наличие в обществе криминальных тенденций и проявлений» (ст. 32) [18]. К внешним источникам угроз национальной безопасности отнесено «расширение масштабов трансграничной преступности, деятельность транснациональных либо

зарубежных преступных организаций и группировок, связанная с посягательствами на жизнь, здоровье, свободу и социальные права белорусских граждан» (ст. 40) [18].

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь подчеркивает свою системность «Система обеспечения национальной безопасности функционирует устойчиво и обеспечивает решение стоящих перед ней задач» (ст. 18) [18]. В ст. 45 Концепции обозначаются объекты национальной безопасности «личность – ее конституционные права, свободы и законные интересы; общество – его материальные и духовные ценности, система общественных отношений, охраняемых нормами права; государство – его независимость, территориальная целостность, суверенитет, конституционный строй» [18].

Согласно ст. 49 Концепции «важнейшими направлениями (нейтрализации внутренних источников угроз национальной безопасности политической сфере) выступают сохранение роли государства как гаранта безопасности личности, комплексное совершенствование процессов предупреждения и борьбы с преступностью, в первую очередь с коррупцией, терроризмом и экстремизмом во всех их проявлениях, сепаратизмом, расовой и религиозной нетерпимостью», «значимую роль в обеспечении безопасности в социальной сфере призваны сыграть программы по <…> профилактике и лечению социально значимых заболеваний, профилактике преступности (прежде всего, среди несовершеннолетних) <…>» (ст. 52) [18].

Отсюда следует, что структура и перечень объектов, субъектов, угроз национальной безопасности и мер по их нейтрализации, как в целом вся Концепция, носит превентивный (превентивность – один из принципов обеспечения см. ст. 48!) *криминологический* характер и смысл [16. С. 30; 22. С. 50]. Помимо законодательных актов, регулирующих специфические общественные отношения, отраженные в Концепции, большинство угроз носит административно и уголовно наказуемый криминогенный характер. Достаточно сравнить Концепцию с Законом «Об основах деятельности по профилактике правонарушений». А.А. Лапин подчеркивает, что поскольку «криминология, единственная из всех наук так называемого криминального цикла обладающая арсеналом теоретически обоснованных и практически проверенных средств познания и оценки преступлений, способна в полном объеме оценить состояние, тенденции и последствия как любого отдельного уголовно наказуемого деяния, так и всей их совокупности», то «всякая *национальная безопасность*, с правовой научной точки зрения, суть *криминологическая*» (выделено авт.) [16. С. 30].

В свою очередь А.И. Савельев отмечает, что «криминологическая безопасность является самостоятельным видом национальной безопасности, обеспечивая состояние защищенности личности, общества и государства от криминальных угроз» [22. С. 49].

Известный российский ученый-криминолог Я.И. Гилинский полагает, что «на основе идеологических, политических, правовых концепций и, как мы уже выяснили, политики национальной и государственной безопасности, разделяемых высшими органами государственной власти и управления, вырабатывается *уголовная политика* государства как разновидность государственной политики (наряду с экономической, социальной, экологической и др.). Уголовная политика

может быть выражена явно (в конституционных, программных, правовых документах) или же неявно (имплицитно) содержаться в реальной деятельности государства и его органов по противодействию преступности и ее отдельным видам» [5. С. 399].

Российский ученый С.С. Босхолов под уголовной политикой понимает: «1) государственную политику (доктрину) борьбы с преступностью, выраженную в соответствующих директивных актах (законах, указах президента, постановлениях Правительства); 2) научную теорию и синтез соответствующих политических, социологических и правовых знаний; 3) особый вид социальной деятельности, направленной на активное, наступательное *противодействие преступности и другим правонарушениям*» [4. С. 29]. Ученый подчеркивает, что «проблема предупреждения преступности является одной из ключевых в мировой теории и практике борьбы с преступностью. Превращение данной идеи в реальный инструмент политики борьбы с преступностью оказалось крайне длительным и противоречивым процессом. По сути, все имевшие место в новейшей истории попытки заменить даже в ограниченных масштабах реактивную (в ответ на совершенные преступления) карательную модель борьбы с преступностью на предупредительную (профилактическую) окончились неудачей» [4. С. 142].

Российский ученый Д.Ю. Гончаров придерживается точки зрения, что предупреждение и борьба с преступностью должны осуществляться на основе действующего уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Согласно автору, «центральной составляющей уголовной политики являются уголовно-правовая, уголовно-процессуальная и уголовно-исполнительная отрасли. Однако их создание и успешное функционирование (применение), выработка и осуществление государственных директив в сфере обеспечения правопорядка, борьбы с преступностью и обеспечения безопасности личности, разработка и организация предупреждения преступности и ресоциализация преступника должны строиться на полинормативной основе» [6. С. 22–23]. Д.Ю. Гончаров подчеркивает, что «уголовная политика как часть внутригосударственной политики [авт. – в том числе безопасности] строится и осуществляется на основе политических директив, норм права, морали (нравственности), религиозных норм, обычаев, а также корпоративных норм» [6. С. 22–23].

По мнению Д.Ю. Гончарова, «уголовная политика выступает частью криминологической, поскольку последняя опирается еще и на социальную политику. Любая составная часть уголовной политики (уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, уголовно-исполнительная, административно-правовая, оперативно-розыскная политика) должна быть нацелена на ограничение преступности, иными словами, обладать антикриминогенным потенциалом, соответствовать направлению криминологической политики и с этой точки зрения оцениваться криминологами» (выделено авт.) [6. С. 26].

Российские исследователи И.А. Зинченко и А.Ю. Трапицын подчеркивают, что «криминологическая составляющая уголовной политики предполагает и стимулирует широкое использование эмпирического материала – данных официальной государственной статистики, конкретных криминологических исследований, обобщения практики деятельности органов, входящих в правоохранительную систему, обзоры, информационные письма и др.» [9. С. 88].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ (RESULTS AND ITS DISCUSSION)

Безопасность – это состояние защищенности личности, общества, государства от внешних и внутренних опасностей и угроз, базирующееся на деятельности людей, общества, государства, мирового сообщества народов по выявлению (изучению), предупреждению, ослаблению, устранению (ликвидации) и отражению опасностей и угроз, способных погубить их, лишить фундаментальных материальных и духовных ценностей, нанести неприемлемый (недопустимый объективно и субъективно) ущерб, закрыть путь для выживания и развития [25. С. 16–17]. Следовательно, безопасность – это многомерное понятие, которое используется разными способами. Например, его можно использовать для описания объективного состояния защиты от угроз или опасности, субъективного ощущения безопасности, или средства достижения любого из них. Состояние безопасности может относиться к защите от физических угроз жизни и здоровью, но также и к угрозам эмоционального, психологического и финансового благополучия.

На современном этапе безопасность не следует рассматривать как достижимое состояние или, вообще, как «предмет», а, скорее, как просто «зонтичный термин», обозначающий ряд различных динамических «процессов управления» – в контексте данного исследования подразумевается *политика национальной безопасности*.

В силу массивности и вариабельности криминологических исследований, полноценное внедрение их результатов в уголовную практику оценивается нами как весьма затруднительное и представляется не рациональным. Отсюда роль криминологии в противодействии преступлениям и профилактике правонарушений может состоять в информационно-аналитическом, критическом и корректирующем значении. В виду вышеизложенного, теоретизация проблемы криминологического законодательства и кодификация норм криминологического права не смогут в полной мере отвечать целям и задачам превенции в полном объеме, оставаясь в поле секторальной и ситуационной профилактики.

Таким образом, криминологическое обеспечение безопасности государства является одной из фундаментальных прикладных задач практической реализации и планирования политики предотвращения преступлений, правонарушений и иных видов криминогенного и криминального поведения. По нашему мнению, место и роль как прикладной, так и теоретической криминологии в системе уголовной и криминологической политики, пока находится на этапе теоретизации как в среде отечественных, так и зарубежных исследований. Хотя прогностическая функция криминологии, безусловно, является одной из важнейших при планировании противодействия преступности и профилактики правонарушений.

ВЫВОДЫ (CONCLUSIONS)

Проведенный теоретический анализ криминологической составляющей в обеспечении национальной безопасности и реализации уголовной политики государства позволил сделать следующие выводы.

Политика национальной безопасности и уголовная политика государства по своей сути являются антикриминальными или криминологическими. Следует отметить, что уголовная политика рассматривается нами как направление государственной деятельности, определяющее стратегию и тактику борьбы с преступностью на базе уголовного, процессуального исполнительного права, которая является частью *антикриминальной политики (=криминологической*

политики) государства и тем самым детерминирует собой антикриминальную (=криминологическую) и национальную безопасность государства.

Исследования в области теории криминологической безопасности актуализируют важность общетеоретических исследований в криминологии.

Представляется перспективным направлением дальнейшего изучения практического и прикладного характера криминологической политики и безопасности как аспекта более широкой антидевиантной политики государства ввиду того, что объект изучения криминологии ограничен и, в основном, направлен на концептуализацию и теоретизацию преступления как такового.

По аналогии с основными понятиями Концепции национальной безопасности Республики Беларусь предлагаем авторское определение: *«Антикриминальная безопасность (=криминологическая безопасность) – состояние криминогенности личности, общества и государства, при которых минимизируется возникновение внешних и внутренних угроз национальной безопасности»*.

В заключении необходимо отметить, что авторы не претендуют на бесспорность высказанных суждений и выводов. Они полагают, что публикация может вызвать интерес у читателей и приглашают к дискуссии теоретиков и практиков, а также предлагают проведение совместных комплексных научно-практических исследований по указанной проблематике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ (REFERENCES)

1. Бабаев, М. М. Феномен риска в контексте профилактической политики (криминальная рискология) / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Вестник СПбГУ. Право. – 2019. – Т. 10. – № 1. – С. 136–148.

2. Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура. Словарь-справочник / автор-сост. проф. В. Ф. Пилипенко. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – М.: ПЕР СЭ-Пресс, 2005. – С. 192.

3. Беларусь в цифрах (2022): статистический сборник. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – 2022. – С. 69.

4. Босхолов С.С. Основы уголовной политики. Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты / С.С. Босхолов. – Изд. 2-е, перераб. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2004. – С. 303.

5. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я.И. Гилинский. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. – С. 504.

6. Гончаров Д.Ю. Законодательство криминального цикла как нормативная основа уголовной политики: учеб. пособие / Д.Ю. Гончаров. – Изд. 2-е. – Саратов: Вузовское образование, 2019. – С. 105.

7. Женевский центр по управлению сектором безопасности. Политика национальной безопасности. Серия справочных пособий по РСБ. – Женева: DCAF, 2015. – С. 11.

8. Зеленков М.Ю. Основы теории национальной безопасности: учеб. для студ. вузов / М.Ю. Зеленков. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – С. 295.

9. Зинченко И.А. Уголовная политика: понятие, проблемы и перспективы / И. А. Зинченко, А. Ю. Трапицын // Вестник БФУ им. И. Канта. – 2011. – Вып. № 09. – С. 86–92.

10. Иншаков, С. М. Методологические основы теории национальной безопасности: монография / С. М. Иншаков. – М.: РУСАЙНС, 2020. – С. 278.

11. Иншаков, С. М. Основы теории национальной безопасности / С. М. Иншаков. – М.: Кнорус, 2021. – С. 362.

12. Кнодель, Л. В. Пенология: история и современность: монография / Л. В. Кнодель. – Киев: ФОП Кандиба Т.П., 2019. – С. 426.

13. Колоткина О.А. Право личности на криминологическую безопасность: понятие, содержание, место в системе национальной безопасности Российской Федерации / О.А. Колоткина, И.А. Минникес, И.Д. Ягофарова // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, – № 4. – С. 496–504.

14. Комлев Ю.Ю. Криминология как социология преступности / Ю.Ю. Комлев // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – №2. – С. 67–73.

15. Кочетков В.В. Идея справедливости и конституционные проблемы социального государства / В.В. Кочетков // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – Т. 2, – №3. – С. 100–109.

16. Лапин, А. А. Криминологическая безопасность в стратегии национальной безопасности России / А. А. Лапин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2015. – № 1. – С. 29–36.

17. Моденов А.К. Экономическая теория преступлений и наказаний: моногр. / А.К. Моденов, Т.Н. Орловская // Мин-во науки и высш. обр. РФ, Санкт-Петербургский гос. архитектурно-строительный ун-т. – СПб.: СПбГАСУ, 2018. – С. 171.

18. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24 янв. 2014 г. № 49 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

19. Овчинников А.И. Основы теории национальной безопасности: учеб. пособ. / А.И. Овчинников, А.Ю. Мамычев, А.Г. Кравченко; М-во образования и науки РФ, Владивостокский гос. ун-т экономики и сервиса. – М.: РИОР, 2011. – С. 252.

20. Плешаков В.А. Теория криминологической безопасности как частная теория криминологии / В.А. Плешаков // Человек: преступление и наказание. – 2011. – № 2 (73). – С. 75–79.

21. Ревин В.П. Теоретические основы криминологии и предупреждения преступности / В.П. Ревин, В.В. Ревина, Ю.С. Жариков [и др.]; под науч. ред. В. П. Ревина. – М.: СГУ, 2013. – С. 461.

22. Савельев А.И. Криминологическая безопасность как вид национальной безопасности / А.И. Савельев // Вестник Омской юрид. академии. – 2019. – Том 16, № 1. – С. 49–54.

23. Смирнов Л.Б. Пенологические и пенитенциарные основы науки уголовно-исполнительного права / Л.Б. Смирнов // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13(1–4), № 3. – С. 273–281.

24. Стребков А И. Риск власти – власть риска / А.И. Стребков, А.И. Мусаев // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2020. – Т. 36. Вып. 2. – С. 394–406.

25. Ярочкин В.И. Теория безопасности / В.И. Ярочкин, Я.В. Бузанова. – М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2005. – С. 176.

26. Kriminologie im 21. Jahrhundert / Karlhans Liebl (Hrsg.). – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften; GWV Fachverlage GmbH, 2007. – 228 s.

27. The Oxford Handbook of Criminology / ed. by M. Maguire, R. Morgan and R. Reiner. – 5 th. ed. – Oxford: University Press, 2012. – 1029, XXIII p.